

Пикард посмотрел на Дженевай, а та в ответ на него. Молчание становилось напряженным.

Первым неожиданно заговорил Пикард:

— Адмирал, это будет не только прямым нарушением Первичной Директивы, но и колоссальное нарушение традиций дипломатии. При каких бы то ни было обстоятельствах мы в первый раз обнаружили этот «Империиум», и первое, о чем мы попросили их — это о вступлении в войну на нашей стороне.

Дженевэй на секунду показалась смущенной, прежде чем к ней снова вернулась решимость.

— Жан-Люк, я понимаю, что прошу у тебя слишком многого...

— Адмирал, трудность не в том, что просите у меня. Меня вы можете просить о чем только пожелаете. Трудностью будет убедить Брата-Капитана Харумана. И проблема в том, должны ли мы вмешивать их в это. Если у нас есть Первичная Директива, то тогда она может быть и у них — в этом случае это будет нарушением двух Директив и временной линии.

Дженевэй кивнула.

— Верно, Капитан, но, похоже, у нас нет другого выбора. В любом случае Enterprise должен отправиться к ГК-9 как можно скорее. Не важно, сможете вы добиться согласия Sword на помощь или нет. Если нет, то вы нам будете нужны еще больше, — она помолчала с задумчивым видом и затем продолжила, — расскажите мне о них, Жан-Люк. Каково ваше первое впечатление?

Пикард выдохнул, устраиваясь в кресле.

— Они солдаты, Адмирал. Даже больше, чем солдаты. Они воины и обладают соответствующей воинской этикой. Как и ожидалось от команды боевого корабля, крайне воинственны и даже более того. Боевые действия для них почти что религия, — он посмотрел ей прямо в глаза. — И их корабль восемнадцать километров в длину, Адмирал.

Пикард смотрел, как болезненная улыбка превращается в жаждущую, почти звериную.

— Да, Капитан, вы ранее упоминали в своем предварительном докладе. Так же как и указывали на такие интересные факты, как мощносты их щитов. И именно поэтому я хочу, чтобы вы сделали все, что в ваших силах для получения от них помощи.

Молодой Адмирал наклонилась вперед.

— Капитан, мы собираемся биться буквально с сотнями боевых кораблей Доминиона. Сотнями, Жан-Люк. Этот корабль, этот человеческий корабль — возможно, единственное, что стоит между Федерацией и её уничтожением. Сделайте все, что сможете. Нам нужен этот корабль. Черт, да нам нужен любой корабль!

Их взгляды встретились, в её глазах появилась твердость.

— Все что угодно, Жан-Люк. Нам нужна помощь. Откуда угодно. Дженевай. Конец связи.

Изображение изможденного Адмирала сменилось на символ Федерации, когда канал закрылся. Пикард оставался в кресле, раздумывая над тем, как он будет с этим справляться.

Пикарду часто приходили в голову мысли, подобные этой. Он часто бывал в положении, когда,

казалось бы, пути к спасению не существует. Но в большинстве случаев, он выпутывался. Он и его команда. Enterprise.

Что-то такое было в этом названии. Что-то в корабле, носившем его, что делало их всех особенными. Не одно судно с этим гордым именем не потерпело неудачи при оставлении своего следа в истории Федерации и квадранта. Ромуланские войны. Нарендра-3. Наследование Клингонов. История никогда не забудет имя Enterprise, но теперь его призывали достать еще одно чудо из его бесконечных запасов.

Как бы не была значительна боевая мощь класса Суверен, тип Энтепрайз-Е, по сравнению с Sword of Lycurgas её даже не стоило упоминать.

Он и его корабль намного больше помогут Федерации, если смогут доставить Sword of Lycurgas к ГК-9, чем если бы прибыли туда сами. Но что он может предложить гигантскому судну такого, что поможет убедить Харумана сражаться на одной стороне со Звездным Флотом?

Капитан Кинан оказался в крайне сложной ситуации. Он и все остальные знали это. Но у него было серьезное оправдание. Он участвовал в первом контакте с людьми. Он был человеком. Он знал людей. Он жил, работал, общался и занимался сексом с людьми. Он не вступал в первый контакт со своим собственным видом. И вот он здесь, делающий именно это.

И люди из этого «Империиума» столь отличались, что были почти другим видом. Они по-другому говорили. Не то чтобы Кинан думал, что должно быть иначе, но их акцент был не распознаваемым. Были они немного язвительными, хоть и на официальном событии, но вели себя настолько свободно, что это необычайно смущало офицеров Звездного Флота. Конечно же, тот факт, что, по крайней мере, они были на фут выше его и вдвое шире в плечах, не сильно его успокаивал. И эта броня. Кинан был абсолютно уверен, что для нее воздействие его фазера не отличимо от фонарика, а весит она не менее ста пятидесяти килограмм. Двигались же они, как будто броня ничего не весила.

Они не были исследователями и не были учеными. Не было у них социальной активности, достойной этого названия. Нет семей, за исключением друг друга. Нет увлечений. Просто тренировки. Боевые братья. Религиозные обряды, обращенные к их «Императору». Бои. Столь много боев. Они пытались быть вежливыми. Они были вежливы. Была атмосфера искренности, хоть и весьма необычной. Но с космодесантниками было не о чем разговаривать. Почти. Они упомянули, насколько прекрасны закаты на Ликурге, их мире, смотрятся из Реклюзиария. Исходившая от имперских граждан благодарность, когда они сражались за них. Великолепие церковного мира Офелия-7.

Но офицеры Федерации видели, что скрыто за этим. Две культуры имели крайне мало общего. И очень мало было того, о чем они могли поговорить. Слишком в разных временах они жили. И потому все свелось к воспоминанием и военным историям. Парадоксально, но именно это и было самым безопасным, слишком уж разнился их опыт. Но была все же кое какая болезненная схожесть. Что можно сказать человеку, рассказывающему тебе, что едва ли не шесть месяцев назад он потерял брата возрастом в две сотни лет? Истории об abordage. Схватки кораблей против друг друга в астероидном поле, орбитальное десантирование.

Он позволил присутствовать здоровой доли скептицизма, что всегда требуется при выслушивании чьих-то военных походов. Но даже когда он «делил» количество противников на четыре, число все равно оставалось впечатляющим.

Это и было их движущей силой. Бесконечные столетия сражений за человечество и их

«Императора». Всегда было много старых, много храбрых солдат. Но очень немного старых и храбрых одновременно. Эти же были очень старыми и очень храбрыми. Он предполагал, что эти сто пятьдесят килограмм брони весьма в этом помогают.

И наступило молчание до возвращения Пикарда. И Кинан был уверен, что когда тот вернётся, все изменится... никто не прерывает дипломатическую встречу без чертовски важной причины. А Дженеувэй умная женщина. Что бы не случилось, зря свое время она тратить не будет. Но Кинану было как-то не по себе, поэтому он думал — а не растрчивает ли он свое собственное время.

Борталус находил ситуацию почти забавной. Нет, вычеркните это, не было тут ничего «почти». Молодой флотский капитан, временно возглавивший делегацию, так и излучал неловкость. Он мог бы даже поставить на то, что даже не псайкер мог ощутить это. Он всегда находил не псайкеров ни на каплю не надоедающей головоломкой. Как он понимал, в его восприятии они были столь же не зрячи, как в их слепые. Они замечали многое, но упускали столь много промежуточных оттенков. Здесь была буквально целая вселенная, которую они не видели, не представляли, и все же он пытался понять, как они могут жить без этого. Но ведь он был псайкером сотни лет. Он теперь видел все по-другому.

Иногда быть псайкером та-а-а-ак весело! Люди просто не знают, что ты наблюдаешь за ними. Просто не могут. По виду — ты человек, соответственно, так они к тебе и относятся. Они знают, что ты псайкер, но пока ты не слишком выпячиваешь это различие, они не особо о нем задумываются.

Но бытие псайкера вырабатывает определенную отстраненность между тобой и окружающими. Тебе кажется, словно подсматриваешь за ними. Со стороны. И если не будешь осторожен, то покажется, что и свысока. И здесь начинается путь к вечным мукам. Смеяться над ними намного проще и веселее, но сейчас чувство тревоги маячило на краю сознания. Его дары пытались рассказать ему о чем-то. Что-то надвигалось. Не сюда. Но куда-то поблизости. И скоро.

Ему придется разложить Императорские Таро.

Снова.

Ему не нравилось делать это. Если оно предсказывало трудности, как часто бывало, то тогда они должны подготовиться, но как бы ни были Таро точны, трудностей не избежать. Предвидение трудностей практически всегда гарантировало, что их усилия не будут стопроцентно успешными.

Он наклонился и произнес в левое ухо Харумана:

— Брат, мой внутренний взор шепчет мне.

Борталус скорее почувствовал, чем увидел, как приподнялась бровь брата-капитана, но Харуман не двинулся с места.

Он заговорил с либриарием, почти не двигая губами:

— Что Император говорит тебе, брат?

— Я не понимаю. Я хочу отправиться в свое святилище и разложить Императорские Таро. Это может пролить немного света на происходящее.

— Отправляйся, брат. Я сомневаюсь, что эти люди будут возражать.

Харуман и Борталус взглянули на офицеров Федерации как раз в тот момент, когда они зашлись хохотом от истории, рассказываемой Капеланом Хеншером. Борталус усмехнулся про себя. Будет забавно напомнить об ЭТОМ позднее.

Но Харуман услышал смешок.

— Что такое, брат? Он заставлял нас всех смеяться над этим и раньше...

Борталус заулыбался, шепча ответ:

— Не в этом дело, Эд. Этот мужчина с точками на шее, тот что сейчас говорит...

Командер Т'Марид слегка наклонившись в сторону капеллана, с выражением рассказывал историю, сопровождая ее широким жестами и различными звуками. Товарищам офицера Федерации тоже было интересно, и они склонились поближе.

— Да. И что с ним?

— Он ксено.

Харуман побледнел и выпучил глаза, затем он взглянул на старого Капеллана и расплылся в усмешке.

— Иди, раскидывай свои карты, ведьмак.

Борталус хлопнул перчаткой по левому наплечнику мужчины, затем развернулся на сто восемьдесят градусов и вышел из комнаты для совещаний. Харуман только головой покачал. Псайкеры...

Затем взглянул снова на разыгрывавшуюся перед ним сцену. Капелланы...

Святилище Борталуса было небольшим, скромно обставлено и освещалось свечой. Не свечами. Свечой. В не раскрашенном керамическом кубке, прямо посреди комнаты, на маленьком деревянном столе. Это был один из немногих предметов роскоши, что Борталус позволял себе. Земное дерево. Трудно было достать нечто более психически проводящее, чем дерево с древней Терры. А это дерево было старым. Оно уже почти окаменело. Этот простой квадратный стол на четырех ножках, менее чем пятидесяти сантиметров в ширину и почти такой же высоты, был старше Империиума. Более того, насколько он мог сказать с помощью своих чувств, эта небольшая частица Терры была сделана прежде Великого Похода. Прежде Темной Эры Технологий.

Когда Борталус задумался об этом, то этот стол, в этом времени, в котором они сейчас находятся, стоит сейчас где-то на Земле, используемый как подставка для ног или столик для выпивки. Мысль эта заставила Либрария замереть. Столь многое они потеряли и столь многое открыли заново. Все, на что не обращали внимания, что было отброшено, забыто, было теперь священо, а то, что было почитаемо и поминаемо — теперь презирают.

Боевые корабли Федерации, вершина их технологий, могучие суда, способные уничтожать планеты. Империиум никогда слыхом не слыхивал о Федерации, но этот маленький стол дотянул до сорок первого тысячелетия. И считался достаточно ценным, чтобы за него можно было бы

купить планету. Это была священная реликвия, святой предмет, за которые велись войны и за которые гибли тысячи. Это было вместилище психических сил не воображимой мощи и в каком-то смысле почти разумным существом. Оно видело возвышение и падение империй. Возникали и пропадали династии. Сорок тысячелетий галактической истории.

Борталус говорил со знаменитым псайкером Космических Волков Ньялом Бурезовущем; они недолго сражались вместе возле Кадии во время двенадцатого Черного Крестового Похода. Приносящие Смерть выискивали демона, которого Борталус прозрел через гадание, Волки тоже гнались за ним, в ходе преследования пройдя вратами Эльдарской Паутины. Приносящие Смерть высадились на планету с Громого Ястреба. Как раз в это самое время Ньял вывел три стаи своих волков из ворот.

Тогда Борталус был молодым космодесантником, хоть и одаренным, но на его гадание Орден не обращал столь много внимания, как стал потом. Он только недавно стал обладателем Стола Э'нтикс Прикс, что хоть и значительно усилил его прозревающий взор, он еще не доказал свою полезность братьям. С ним было только два тактических отделения. Можно было вызвать Громого Ястреба, но постоянного им не выделили.

И, конечно, Брат-Древний Эндимион. К этому времени его пробудили, и он проходил восстановление. Как только он услышал о сути дела, тут же настоял на включение в группу. Два ордена космодесантников соединили силы, и совместными усилиями двух либраниев не понадобилось много времени что бы отследить уникальный след демона. Но они не были готовы к тому, что демон откроет варп-врата и выпустит множество своих братьев. Примерно пятьдесят космодесантников образовали тесный круг и отбрасывали атаки врагов, прежде чем два псайкера запечатали проход. Ньял грудью встречал ветры варпа, поднимая вверх горящий мощью рунный посох, пока он читал нараспев обряд изгнания. Борталус пытался добавить свои слова к песнопению, но не смог сосредоточить свои силы для придания обряду хоть немного мощи. Так что он продолжил посылать заряды психической энергии в чудовищ, атакующих космодесантников.

Ньял победил в битве волею с демоном. Врата захлопнулись столь внезапно, что расплывчатый ужас, проходивший сквозь них, потерял половину левой ноги. Стрельба прекратилась вскоре после этого, и только замедляющийся визг вращающейся штурмового орудия Брата-Древнего Эндимиона нарушал тишину.

Ньял держал свой рунный посох как копье. Молнии играли вдоль всего его древка, вытягиваясь в сторону человекообразной сущности, повисшей в воздухе и удерживаемой мерцающей энергией. Удерживая его, он двинулся вперед, пока не оказался почти в метре от этого. С ощутимыми волнами отвращения, исходящими от его мощной фигуры, он уставился на «это».

Когда он заговорил, это был вздымающийся гневный крик:

— Во имя Императора и всего того, что есть святого во вселенной, изыди, отродье хаоса!

Его рунный посох обрушился на голову «этого», и она взорвалась яростной дрожью белого света, дрожью, пославшей ударную волну по всем направлениям.

Когда пыль осела, Борталус увидел, как рунный жрец подходит к нему и смотрит вниз на Приносящего Смерть.

— Не плохо для щенка. Все еще надо работать над собой, но Русс одарил тебя.

Борталуса только что высоко оценили, и он знал это. Ньял наклонился и предложил лежащему

Приносящему Смерть свою руку. Борталус принял её, и старший псайкер помог ему подняться.

— Благодарю вас, Лорд Бурезовущий. Это было впечатляюще.

Космический Волк с признательностью посмотрел на рунный посох.

— Это был не только я, парень, мне помогали.

Борталус проследил за его взглядом на древний посох с немалым уважением в нем к последнему. От этого его собственный силовой меч казался не совсем подходящим к таинственности псайкера.

Ньял увидел взгляд и объяснил:

— Полезная вещь, парень. Стоит подумать и подыскать себе что-то подобное.

— Реликвия-фамилиар? У меня есть одна.

Космический Волк казался оцепеневшим. Его густые черные брови приподнялись почти к волосам.

— Ты так молод. Почему ты не ходишь с ним в бой?

Борталус посмотрел вниз и наполовину прошептал немного смущающий ответ:

— Потому что... это... э-э-э... это... это стол.

Ньял посмотрел на младшего, облаченного в синее и черное псайкера, и захохотал. Его глубокий, утробный хохот, разносившийся на открытом пространстве, Борталус помнит до сего дня. Конечно же, Ньял лестно отозвался о его исключительных способностях к гаданию и прорицанию, предоставляемых Приносящим Смерть, но он подумал что слишком уж это смешно прозвучало.

Его гадания, предзнаменования и чтение Императорских Таро стали для него обычным делом в Ликургийском Протекторате. Но он все ещё улавливал при случае смешки от других псайкеров, тех, кто знал, что его пси-проводником является стол.

Скрестив ноги, Борталус сел за стол и поставил на него маленький серебряный кубок между собой и свечой в центре стола. В комнате была абсолютная тишина, даже гудение варп-двигателей не проникало в неё. Либрарий вылил в кубок полную чашку воды. Он три раза взболтнул её, тихо проговаривая при этом молитву об откровении. Он протянул левую руку над столом и поднял свечу за основание. Занес ее над кубком и наклонил так, чтобы несколько капель расплавленного парафина упали в воду; рябь пробежала по её поверхности. Затем потянулся к изукрашенному маленькому ларцу из пласт стали справа от него, откинул защелку и открыл его. Сотворил знак аквиллы и затем погрузил в него свою одоспешенную длань.

Ему не требовалось смотреть, и он не смотрел. Он знал, куда уложил их. В то же самое место, что и за предыдущие сто пятьдесят с лишним лет. Он вытащил их. Они были небольшие, не больше трех дюймов в длину и двух в ширину. Только ненамного толще, чем колода игральные карт, несмотря на то, что их было семьдесят восемь штук вместо пятидесяти двух.

Он положил их справа от гадательного кубка и затем поднял его. Парафин свернулся в два плавающих шарика. Он снова взболтал его три раза, и шарики закружились в маленьком

водовороте.

Пока вода вращалась, он взял карты и начал тасовать. Глаза при этом смотрели на почти завожжиившую его воду, а руки двигались сами по себе. Он открыл свой мысленный взор ветрам варпа и скорее ощутил, чем увидел, как мигнула свеча без всякого движения воздуха, а язычок пламени отклонился в противоположную от него сторону. Мерцающая свеча удерживала его сознание, пока разум странствовал в варпе, а руки двигались сами по себе. Он продолжал тасовать, пока вращалась вода, минуты проходили, и руки его смазывались от скорости, вызывающий головокружение порядок движений, вместе с приглушенным звуком карт, трущихся друг о друга.

Вода остановилась, и череда размытых образов, вспыхивавшая в разуме псайкера, остановилась, как будто перекрыли кран. Что, если можно так сказать, он и сделал. Открыл глаза и сфокусировал взгляд на свече, вид которой совпадал с образом, находящимся в центре его мысленного зора. Первый признак истинного чтения. Он потянул первую карту — Высокий Жрец. Его карта или та, что представляет его, в роли старшего либрария роты. Это было вторым и самым точным признаком правильности чтения. Крайне редко бывало, чтобы при двух этих знаках чтение было неверным или оскверненным.

Он положил карту на стол в центре, между его краем и гадательным кубком. Теперь это был центр его чтения при проведении обряда. Также это одновременно служило признанием того, что при необходимости на его чтение окажет влияние его видение.

Следующая вытянутая карта оказалась Галактикой, что означала заметные события — те, что в буквальном смысле могут повлиять на всю галактику. Он расположил карту на севере между уже вытащенной ранее и гадательным кубком.

Борталус уже собирался потянуть третью карту, когда присмотрелся ко второй. Мелкие пятнышки, обозначающие Глаз Ужаса, отсутствовали. Галактика теперь выглядела почти безмятежной. Интересно. Он положил ее вниз, в противоположном направлении от севера, обведя при этом вокруг Жреца.

Халк. Перевернутый.

"Подходящее описание для Sword of Lycurgas", — подумал Борталус, затем усмехнулся.

Ну, конечно. Это упоминание Sword. Тогда это не удивительно. Изображение мерцало на фоне, усеянном жидкими кристаллами звезд, мягко подмигивая в свечном свете. Вниз на девять часов.

Борталус больше не замечал ни запаха воска, ни поблескивающих у него на бровях капелек пота в холодной комнате.

Инквизитор. После Халка. Снова интересно. Кто-то расследует или расследуем. Без сомнения. Но связан с Халком. В этом случае, связан с ними. Возможно, расспрашивают про них. Или собираются узнать у них о чем-то. Или все вместе. А может, ни то и ни другое.

Либрарий расположил её на другой стороне от Халка, на семь часов. Он заметил, что на карте силовой меч был изображен лезвием вниз, не вверх. Прежде он такого не видел.

Чуждый. Редко вытягиваемая карта. Обычно столь не определенная в своем значении, что многими считается практически бесполезной. Но именно на ней задержался Приносящий Смерть. И положил её вниз на пять часов. Карта показывала человека. Борталус дважды

проверил. Холодом повеяло у него по спине, когда он понял, что не ошибся. Впервые он видел и ни разу прежде не слышал, чтобы на таро «Чуждый» был изображен человек.

Почти трясущимися руками он вытащил последнюю карту чтения и расположил её на три часа — Император. Символ судьбоносных событий или его личного вмешательства. Сильнейший козырь. Один, что превышает остальных Борталус боялся вытянуть.

Была причина, по которой Sword оказался здесь и сейчас. Судьба всего сущего зависела от этого. Люди, люди, чуждые Империи, встанут перед Глазом и защитят Императора. Велось или ведется расследование кем-то о Sword. Эта галактика, странная, мирная галактика, была вовлечена в это и вовлечет Sword.

Ужасающее прочтение. Настоящее и будущее зависят от их действий. Но одно было ясно — Sword должен выяснить, что необходимо сделать, и исполнить волю Императора по сохранению чуждых людей, как требует Его воля. Судьба Галактики — и ныне, и в будущем — зависит от этого.

Борталус снова сотворил знак Аквиллы и сложил карты на место. Перед выходом из святилища он подобрал силовой меч, стоявший прислоненный к стене рядом с дверью. Ему не приходило в голову, пока он раскладывал Императорские Таро, что инструмент для пророчеств, связанный с душой Императора и использующий его провидение будущего для прочтения, может не работать в отсутствии души, на основе которой все и было завязано. Дверь в святилище Борталуса закрылась. Минуту спустя сильный порыв ветра пронесся в запертой комнате. Свеча погасла.

Пикард провел полчаса, просматривая информационный пакет, переданный Адмиралом. Это было больно. И это еще мягко говоря. Он знал Капитана С'Вара немало лет. Не был особенно близок, но все же знал.

Слишком много кораблей потерянно. Флот хорошо себя проявил, в этом не было сомнений. Но недостаточно хорошо. Они сражались в открытом противостоянии с примерно равным количеством кораблей и вышли победителями с хорошим счетом. Но если информация, предоставленная Адмиралом Дженовэй, была верной, то этот флот был первой волной армады большей, чем Федерация когда-либо видела. Более чем в двадцать раз превосходя по количеству недавно побежденную.

Голос Адмирала зазвучал у него в голове:

«Мы потеряли двадцать восемь кораблей, Жан-Люк».

Почти восемь тысяч мертвых. Самые совершенные боевые корабли квадранта. И этого было... недостаточно.

«Станция не повреждена, и Баджорцы вооружают свои транспортники, но слишком много надежд на это я бы возлагать не стала».

Нет. Баджорская Милиция с большими трудностями удерживает пиратов от проникновения в свою систему. От них будет мало пользы, если вообще будет хоть какая-то. Федерация не сможет продержаться с тем, что у неё есть на руках. Даже если забрать каждый патрульный

корабль с его маршрута, отменить все разведывательные миссии, отложить все дипломатические задачи — они не смогут сравниться с Армадой. Даже если Федерация отступит со всех спорных территорий и поставит в строй всякий наполовину недостроенный корабль, каждый буксир и грузовик, вооруженный или нет, и направит в бой — даже тогда ВСЕ РАВНО не хватит. И если Баджорцы, Клингоны и Кардасианцы поступят также — не хватит.

«Нам нужна помощь. Откуда только возможно».

Без помощи корабля, превосходящего массой половину Звездного Флота, Федерация падет. Или от вторжения или от пушек приближающейся армады. Пикард никому подобного бы не пожелал, тем более невиновным мирам Федерации.

Бетазед ужасно страдал под оккупацией, хотя и не так сильно, как мог бы. И лагеря Доминиона для интернированных все еще были темами для ночных кошмаров. Он опустил планшет на стол и откинулся в кресле. Помассировал пальцами правой руки переносицу, закрыв глаза, попытался отогнать массажем нарастающую головную боль.

Через несколько секунд он внезапно открыл глаза. Не время для самосаждения. На его плечах судьбы миллиардов. Он поднялся и отошел от кресла, посмотрел через обзорное окно, и что-то привлекло его взор, висящее рядом со Sword. И как бы мысли о «Империуме» не пугали Пикарда, он был в достаточной степени гуманистом, чтобы его все же радовало, что его вид выжил.

«Откуда только возможно».

Вокруг глаз собрались морщинки, когда ростки плана стали пускать побеги в его разуме.

— Пикард Кинану.

Образовалась небольшая пауза, пока сигнал путешествовал через расстояние, превышающее обычное.

— Это Кинан, говорите.

— Я закончил с Адмиралом Дженовэй. Можете ли вы спросить наших хозяев, готовы ли они принять меня? У нас есть важная тема для разговора.

Сколь много из последовавшей паузы было разговором и сколько обдумыванием, никогда не станет известно Пикарду, но Кинан ответил в течении минуты:

— Готовы принять вас, переходите, когда будете готовы.

— Пикард принял, конец связи.

Канал закрылся, и он открыл другой, выходя из своей каюты, направляясь к транспортаторным помещениям.

— Пикард вызывает Бреннемана.

— Бреннеман здесь, сэр.

— Корабль на вас. Я возвращаюсь на Sword of Lycurgas транспортером. Протокол первого контакта отменяется. Если что-то произойдет — хоть что-то! — сообщите мне.

— Так точно, сэр.

— Спасибо, лейтенант, конец связи.

Как вовремя. Он вошел в транспортаторную, когда старший транспортаторной команды, выглядевший взволнованным, поспешил за своим быстродвигающимся капитаном.

— Извините сэр, я не знал, что вы...

Пикард прервал его. Его это не волновало, и у него не было времени это выслушивать.

— На мостик Sword, старший. Активируйте.

Кинан пытался не столь явно показывать облегчение, когда увидел синего оттенка туман, предвещающий прибытие старшего Капитана Федерации.

В Звездном Флоте Пикард был кем-то вроде легенды. Он мог бы быть Адмиралом, в этом не было никаких сомнений. У него определенно хватало интеллекта и обаяния для должности, но он отказался от нескольких повышений, прежде чем ему просто перестали их предлагать.

Пикарда однажды спросили об этом, когда Кинан был лейтенант-коммандером. Кинан слышал его ответ и запомнил его, но не был вполне уверен, как это соответствовало с тем, кем был мужчина.

Пикард сказал: «Потому что как Капитан ты всегда сможешь повлиять на ситуацию к лучшему».

И вот мужчина собирался еще раз изменить все к лучшему.

Пикард пожал руку младшему капитану, прежде чем они отправились навстречу офицерам космодесанта.

— Как проходит контакт в мое отсутствие?

— Достаточно хорошо. Радужно, несмотря на их отличия. Ничего из того, что мы видели не поколебало моего первого впечатления. Что хотела Адмирал?

На секунду исчезло нечитаемое мрачное выражение лица, носимое Пикардом, а затем вернулось обратно.

— Она хочет, чтобы мы одолжили у них корабль.

Кинан встал столбом, пока Пикард продолжал идти.

<http://tl.rulate.ru/book/7427/136975>